

Князь Петр Долгоруков в вятской ссылке (1843–1844 года)

В.А. Бердинских

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
bva.prof@mail.ru

Аннотация

В статье, основанной на широком круге архивных и печатных источников, раскрыты неизвестные подробности пребывания в вятской ссылке 1843–1844 гг. известного либерала и генеалога князя Петра Долгорукова. Показаны ошибки и искажения воспоминаний Александра Герцена о князе. Высказаны предположения о публикациях Долгорукова в Вятке той эпохи.

Ключевые слова:

князь Петр Долгоруков, либерал и генеалог, вятская ссылка, Александр Герцен, первые публикации Петра Долгорукова, ошибки Герцена в рассказах о вятской ссылке Долгорукова

Личность Петра Владимировича Долгорукова (1816–1868) является во многом загадкой для историков. Представитель древнейшего княжеского рода, владелец большого состояния, человек гордящийся тем, что он родолюбивее царя, стал соратником А.И. Герцена, либералом-аристократом. Свободомыслие уживалось в нем с барской деспотичностью, ум и талант генеалога с тщеславием и заносчивостью, гаерством и скандальностью поведения.

Период его вятской ссылки в 1843–1844 гг. остается до сих пор неосвещенным в литературе. В лучшем до сих пор исследовании о Долгорукове начала 1930-х гг. историка С.В. Бахрушина этому эпизоду посвящено лишь несколько строк [1]. Осветить вятский период жизни по сохранившемуся личному делу ссылного князя – задача данного очерка.

Для понимания этого человека важно обратиться к кратким вехам его биографии. Казалось бы, он реально родился для самой блестящей карьеры. Этому благоприятствовало все: знатное имя, фамильные связи, значительное состояние. Но во время родов умирает мать, а невдалеке после этого – отец. Круглый сирота. Простор для последователей доктора Фрейда.

До 10 лет мальчика воспитывала бабушка. После ее смерти Петю отдали в Пажеский корпус, где тот блестяще учился, но за девиантное поведение (нетрадиционная ориентация) был разжалован из камер-пажей в пажи и выпущен с плохим аттестатом, перебившим возможности любой карьеры [2]. Фиктивная должность при Министерстве народного просвещения явно ничего не обещала в будущем этому тщеславному честолюбцу.

Prince Pyotr Dolgorukov in Vyatka exile (1843–1844)

V.A. Berdinskikh

Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
bva.prof@mail.ru

Abstract

The paper, based on a wide range of archival and printed sources, reveals unknown details of the well-known liberal and genealogist Prince Pyotr Dolgorukov's stay in Vyatka exile in 1843–1844. Errors and distortions of Alexander Herzen's memories of the prince are shown. Assumptions are made about Dolgorukov's publications in Vyatka of that epoch.

Keywords:

Prince Pyotr Dolgorukov, liberal and genealogist, Vyatka exile, Alexander Herzen, the first publications of Pyotr Dolgorukov, Herzen's mistakes in stories about Dolgorukov's Vyatka exile

По отзывам очевидцев того времени, князь был нехорош собой, маленького роста, неказистого сложения, хромал (отсюда его прозвище в свете – «колченогий», естественно, на французском). Князь был очень несдержан, груб, причем малейшее противоречие выводило его из себя. Он считал для себя все дозволенным и не стеснялся в средствах для достижения своих целей. В 1830-е гг. жил какое-то время в Москве вместе с другим такого рода «шалуном» князем И.С. Гагариным [3]. Они были друзьями Луи Геккерна.

Другой вятский ссылный той эпохи А.И. Герцен, неплохо относившийся к князю и сотрудничавший с ним за границей, писал в «Былом и думах»: «Князь Долгоруков принадлежал к аристократическим повесам в дурном роде, которые уж редко встречаются в наше время. Он делал всякие проказы в Петербурге, проказы в Москве, проказы в Париже. На это тратилась его жизнь. Это был избалованный, дерзкий, отвратительный забавник, барин и шут вместе» [4].

В 1860-х гг. в России стала распространяться версия, что именно Петр Долгоруков в 1837 г. написал анонимные письма и диплом роконосца, приведшие к дуэли и гибели А.С. Пушкина. Так это или нет – сказать сложно. Экспертизы противоречивы. Сам князь это категорически отрицал. Но согласимся с князем П. Вяземским – не доказано, но Долгоруков мог такое сделать.

С 1938 г. князь (по его словам) занялся дворянскими родословными и в течение ряда лет подготовил и опубликовал «Сказание о роде князей Долгоруковых» (1840),

«Российский родословный сборник» (книги 1–4, 1840–1841). Материалы последней стали основой для четырех томов «Российской родословной книги» (1854–1857). Последнее издание – крупнейший российский генеалогический справочник XIX в., сохраняющий свое значение по сей день.

Такая большая продуктивность князя, человека светского, может быть связана не только с его трудолюбием и талантом генеалога, но и с тем, что ему удалось через своего друга И. Гагарина свести знакомство с мужем его тетки пожилым антикваром П.Ф. Карабачевым (1767–1851). Последний много лет делал выписки из разрядных книг и архивов, но ничего не успел опубликовать, а посему (по словам князя) передал ему свои архивы. Использовал он также многие материалы из разрядных книг московских архивов, сделанные за 30 лет работы архивистом М.Г. Спиридовым. Большое состояние позволяло Долгорукову не стесняться в тратах на любые свои нужды.

Работа князя в частных личных архивах знатнейших фамилий России, куда ему, как своему по крови, доступ был открыт, также существенно обогатила архивы и книги Долгорукова уникальными частными документами, слухами, сплетнями и прочей более нигде не сохранившейся личной информацией. «Я знавал много стариков, – писал он впоследствии в эмиграции о своих занятиях родословными русской знати, – я всегда любил вызывать их на разговоры, слушать их, записывать их рассказы; воспоминания некоторых из них шли далеко назад и часто основывались на воспоминаниях других стариков, которых они сами знавали в отдаленные дни своей молодости. <...> Явись к большей части таких людей человек, занимающийся историей, хоть будь Тацитом или Маколеем, ему бумаг этих не сообщат... Но явись человек, хотя бы ума ограниченного, только занимающийся родословными, и ему поспешат всё показать и всё сообщить» [5].

В 1841 г. Долгоруков прибыл в Париж для расширения кругозора, и в 1842 г. под псевдонимом граф Альмагро издал там на французском языке небольшое сочинение «Заметка о главных фамилиях России», где сообщил ряд остро сатирических и порочащих фактов о родоначальниках важнейших аристократических родов России, а также о Петре I. Другое издание этой книги с прямым указанием на авторство Долгорукова вышло в Брюсселе. Смысл сочинения французские газеты увидели в том, что «свобода в России очень древняя, а деспотизм нов».

Свое негодование на вольнодумца агент русских властей в Париже граф Яков Толстой (бывший за имиджем русского царя во Франции) сумел довести до Николая I. Немедленно через русское посольство в Париже автору было предложено вернуться в Россию. Долгоруков, видимо, не ожидал такого поворота событий и поспешил подчиниться. Его делом занялись лично царь Николай I и глава III Отделения А.Х. Бенкендорф. 21 марта 1843 г. князь выехал из Парижа. По прибытии в Кронштадт он был арестован и заключен в III Отделение. Следствие не показало ничего более существенного, и 20 мая состоялось распоряжение царя отправить опального генеалога в Вятку на службу.

В Центральном государственном архиве Кировской области хранится дело, заведенное на князя в период его ссылки. Называется оно так: «Дело по предписанию Госпо-

дина Министра Внутренних дел о высылке в Вятку князя Долгорукова» [6]. Начато в Вятке 19 июня 1843 г., а закрыто 6 июня 1844 г. Дело открывается отношением с грифом III Отделения собственной его императорского величества канцелярии. В этом отношении от 21 мая 1843 г., написанном круглым внятным почерком столичного писца, сказано: «Государь Император высочайше повелеть соизволил: коллежского секретаря князя Петра Долгорукова отправить на жительство в Вятку, с тем, чтобы он был определен там на службу и состоял под особенным наблюдением начальника губернии» [6, л. 1].

Все здесь четко и понятно: провинившегося аристократа наказывают ссылкой в полюбившуюся для этих целей императору Вятку. Но, учитывая знатную родню и сам характер проступка князя, наказывают его не слишком сурово. Далее в отношении указано, что о прибытии Долгорукова в Вятку и назначении его на какую-либо должность губернатор должен немедленно уведомить III Отделение.

Процедура была отлаженная. Алгоритм общий. Вспомним, что именно здесь в 1835–1837 гг. жил в ссылке и служил в губернском правлении переводчиком А.И. Герцен, а в 1835–1840 гг. – ссыльный архитектор А.Л. Витберг. Из именитых вятских ссыльных последующего времени наиболее известен М.Е. Салтыков-Щедрин, служивший чиновником по особым поручениям при губернаторе в 1848–1855 гг.

Скорее всего молодой и скандальный по характеру Петр Долгоруков (26 лет от роду) не ожидал даже такой кары, думая что ему все удалось объяснить при личной встрече с царем. Поэтому, когда ему 21 мая 1843 г. было объявлено о ссылке в Вятку, в ярости написал очень дерзкое письмо Бенкендорфу с просьбой довести текст письма и до царя, что было очень небезопасно по характеру упрямого и мстительного Николая Павловича.

Он писал так: «Ваше сиятельство, Милостивый Государь, граф Александр Христофорович. Прошу у вашего сиятельства дозволения представить Вам (и весьма бы мне желательно было видеть доведенным это до Высочайшего сведения), что на счет определения моего на службу в Вятку, определение это нарушает закон о дворянстве, коим представлено право каждому дворянину служить или не служить. Закон сей помещен в Своде законов, изданном по велению Государя Императора. Насчет ссылки моей за издание книги, наиполезнейшей для русского дворянства, покоряюсь без ропота воле Бога и Государя, и куда бы меня не заточили, в Вятку ли, в Нерчинск ли, в крепость ли, хотя на всю жизнь, я всякое несчастье приму с покорностью, как тяжкое испытание, ниспосланное мне Богом, а судить меня с Государем будут Бог и потомство» [7].

Это не просто вызывающее письмо, это открытое оскорбление. Князь играл с огнем. По горячности своей он не просто гаерничал, а определенно нарывался на неприятности. Кои не замедлили последовать немедленно. Доктору Рихтеру было дано приказание освидетельствовать в здравом ли уме князь Долгоруков. Царь, видимо, считал, что человек в здравом уме такого опасного для себя письма не напишет. Если мы вспомним судьбу П.Я. Чаадаева, объявленного по высочайшей воле помешанным (1836), то увидим реальную опасность для Долгорукова в такой

процедуре. Но доктор после освидетельствования признал генеалога в здравом уме. Возможно, деньги и влиятельная родня помогли замять скандал.

И 25 мая 1843 г. князь вместе с жандармом и вторым отношением III Отделения оправляется к месту ссылки. Дерзость не прошла даром, хотя от службы ссылку освободили. Вот текст этого второго отношения за подписью графа Бенкендорфа. «Государь Император в отмену распоряжения, о коем я сообщил вам, М.Г. от 21 числа сего мая № 827 Высочайше повелеть соизволил: коллежского секретаря князя Петра Долгорукова не считать в службе, а жить в Вятке под самым строгим полицейским надзором, с тем, что если он дозволит себе хотя наималейшее зловерное выражение или действие, то вы обязываетесь немедленно арестовать его, не допуская никаких сношений с другими, и в то же время донести мне о том, для всеподданнейшего доклада Государю Императору и ожидать новых по сему предмету повелений» [6, л. 2]. Ясно виден раздраженный и гневный тон второго послания, особенно в сравнении с первым. Царь даже желает какой-то формальной зацепки или повода, чтобы по жестче расправиться со злоязычным Рюриковичем.

3 июня 1843 г. Долгоруков прибывает в Вятку. Дорога его продолжалась 9 дней. Что очень быстро по тем временам. В ту эпоху проезжающих в Вятке было мало. Путешествовали, в основном, по делам службы. Так, с 1 по 16 июня 1843 г. в Вятку приехало 13 чел., а выехало – 12. Как мы видим, своей персоной князь нарушил полное равновесие приезжающих и отъезжающих (списки таковых печатались в единственной местной газете «Вятские губернские ведомости», кою организовывал в недавние года другой ссылный – А.И. Герцен). В номере 24 от 19 июня 1843 г. читаем: «Приехавшие в город Вятку с 1 по 16 июня 1843 года. Корпуса жандармов подполковник Андреев, Советник Вятской Казенной палаты Макаров, князь Долгоруков...» [8].

Стоит вспомнить, что А.Х. Бенкендорф планировал послать с Долгоруковым жандармского унтер-офицера, а приехал вместе с князем целый подполковник. Этот высший жандармский чин Вятской губернии станет вскоре близким и задушевым другом князя. Его рапорты в III Отделение будут всегда благоприятны для Долгорукова. И в конце своей ссылки последний будет аттестовать его в частном благодарственном письме Бенкендорфу «как милого и честного человека, внушившего мне чувство уважения и дружбы, которые я сохранию навсегда» [7, с. 159]. Трөгательная дружба... Но бескорыстная ли?

Во время ссылки все письма от князя и к князю проходили через III Отделение. Основным занятием ссылного, вероятно, являлось чтение книг. Багаж книг, привезенный из Парижа, был отобран при аресте и отдан в комитет иностранной цензуры. Очевидно, все они на французском языке. Из них – задержано 15 книг. Причем пять как недозволенные, а десять как еще нерассмотренные цензорами к июню. В начале июня список книг из багажа князя пришел в Вятку вместе с предписанием III Отделения выдать книги владельцу. Сами же книги не прибыли. Они задержались где-то в недрах III Отделения. Вятский губернатор терпеливо ждал и лишь 16 июля (скорее всего, по настойчивой просьбе князя) робко довел до сведения

Бенкендорфа, что книги так и не присланы в Вятку. Тот, видимо, отдал распоряжение, и лишь 2 августа 1843 г. «тюк обернутый в рогожу» с книгами прибыл в Вятку и вручен ссылному [6, л. 11–11 об.].

Для местных властей родовитый ссылный с большими связями при Дворе – источник постоянного беспокойства. Они, нам кажется, не знали, как себя с ним вести. С одной стороны, он сослан по личному приказу царя, с другой – он человек высшего общества и его родственники сильны при Дворе. Неизвестно, как ситуация повернется завтра. Следовало угодить III Отделению и не раздражать состоятельного князя, обладавшего непростым характером самодура.

В Вятке князь заводит широкие знакомства в среде высших местных чиновников. Вятский полицмейстер обращается в связи с этим 17 октября 1843 г. с рапортом к губернатору. Он пишет: «... князь Долгоруков, заведя знакомство в некоторых домах в прошедшее воскресенье угощал знакомых у себя званым обедом и, как я стороною извещился, намеревается завести наряду с прочими званые вечера; а как сбор у него разных лиц, да и самое посещение его их может быть принято правительством за предосудительное и в последствии пасть нашу ответственность, то я вынужденным нахожусь довести о сем до сведения вашего высочородия и покорнейше просить <...> должно ли наперед позволять князю Долгорукову продолжать заведенные им в городе знакомства с чиновниками и жителями, так равно и приглашать их к себе на угощения» [там же, л. 18].

Ответственности боялся не только полицмейстер, но и губернатор. Он боялся своей властью запретить это, боялся и разрешить. Поэтому 6 ноября он послал министру внутренних дел запрос. «Занимаясь с того времени и доселе преимущественно чтением книг, князь Долгоруков познакомился с местными высшими чинами: председателем Палаты, управляющим Палатой государственных имуществ и другими, всего до 7 человек и бывал у них по вечерам на вист, а некоторых лиц принимал у себя на квартире сперва на обед, а потом на вечер» [там же, л. 20]. Далее он спрашивает указаний начальства о том, должно ли разрешить князю продолжать знакомства или запретить.

В столице, между тем, гнев на Долгорукова, видимо, утих, и 4 декабря от министра внутренних дел приходит ответ: «Принимая во внимание, что князь Долгоруков вошел в круг знакомств в лучшем вятском благородном обществе, причем ведет себя весьма скромно и хорошо, и нет ничего предосудительного в приеме как к себе гостей, так и обычном времяпрепровождении <...> я по сношению с генерал-адъютантом графом Бенкендорфом, уведомляю вас, что высланному в Вятку под надзор полиции князю Долгорукову не следует запрещать иметь знакомство с тамошним обществом, тем более, что нигде и сам князь Долгоруков не может столько удерживаться от дурных поступков и нигде не может быть лучшего надзора за ним и лучших примеров ему, как в кругу высшего общества» [там же, л. 21]. Таким образом, Долгоруков получил право свободного общения с местными жителями.

По словам князя, еще с 1838 г. он начал собирать материалы и писать книгу «История России от воцарения Дома Романовых до кончины Александра I». Прежде всего он собрал много материалов об эпохе Петра I. Еще в Париже

до отъезда он использовал воспоминания иностранцев, хранящиеся в Парижской библиотеке, в том числе записки адъютанта Петра I – Вильбуа. После этого мнение князя о Петре I коренным образом изменилось.

В деле Долгорукова в архиве III Отделения сохранилась записка Л. Дубельта (правой руки Бенкендорфа), относящаяся ко времени следствия о нем весной 1843 г., следующего содержания: «Граф Бенкендорф приказал объявить князю Долгорукову по Высочайшему повелению, что невероятно, чтобы он сжег манускрипт "Истории Петра I", и чтобы не надеялся никакой перемены своей участи, доколе рукопись не будет представлена Государю» [7, с. 154]. Скорее всего, эту рукопись Долгоруков не сжег, но и царю не выдал. Николай I очень болезненно относился к любой негативной информации о Доме Романовых.

Видимо, и в Вятке генеалог продолжал свои исследования. Имея отличную память, он мог и без бумаг помнить свою рукопись. Скорее всего, большая работа «Воспоминания о Петре Великом», помещенная в №№ 18, 19, 23, 24 «Прибавлений к Вятским губернским ведомостям» за 1844 год, написана им. В № 15 за этот же год помещены в разделе «Смесь» «Анекдот о Петре Великом. Пророчество Екатерины о благословенном Александре. Достопамятный ответ Екатерины. Мудрый ответ боярина Шереметева». Эти небольшие, в несколько строчек рассказы являются историческими анекдотами.

Вместе с тем, по смыслу они не очень почтительны к царям, порой двусмысленны. В пользу авторства П. Долгорукова говорят следующие обстоятельства. Во-первых, работа «Воспоминания о Петре Великом» не подписана никем, тогда как основная часть материалов «Вятских губернских ведомостей» всегда подписывалась. Нередко это перепечатки из столичных изданий. Во-вторых, рукопись написана человеком очень глубоко изучавшим данную тему, причем изучавшим по воспоминаниям современников. Найти второго такого автора в Вятке было невозможно. В-третьих, автор критически относился к деятельности Петра I и в своей критике повторял некоторые моменты, уже высказанные Долгоруковым в книжке «Заметка о главных фамилиях России». Он выделял в русской истории двух «Могучих государей: Михаила Федоровича, избранного Собором всей Русской Земли, и Алексея Михайловича, издавшего Уложение».

Такое подчеркивание, что Михаил Федорович был избран Земским собором, что Алексей Михайлович также прибегал к их помощи и правил, руководствуясь законами, а не личными прихотями, очень характерно для Долгорукова. Одна из идей его сочинения, изданного в Вятке, такова: Петр I велик в своей деятельности, но, может быть, он принес больше вреда, чем пользы. «Петру Великому не нравилось наше древнее государственное устройство <...>. Ему не нравилось прошедшее России» [9]. Для автора этой статьи, видимо, ясно, что царь Петр основал в России деспотизм. Именно к этой мысли он подводит читателя.

В своих записках, созданных за границей на склоне дней, будучи совершенно свободным в высказываниях, князь пытается совместить темную и светлую ипостаси в деятельности царя Петра: «Петр, дико жестокий в минуты гнева, необузданный во всем, был полон пороков. В душе

его не было ничего святого, кроме великой цели, которой он отдал всю свою могучую жизнь, – цели обратить Россию в культурное государство» [10].

Вместе с тем, в газетной статье ссыльного князя таких резких пассажей нет. Пером специалиста освещается быт Петра I, образ его жизни, праздники, кои он устраивал. Эта работа печатается в номерах вятской газеты от 29 апреля, 6 мая и, спустя длительный промежуток, от 3 июня и 10 июня. Долгоруков же был освобожден от ссылки еще 11 марта 1844 г. Но из-за весенней распутицы он выехал в Москву через Казань, получив подорожную, лишь 23 мая сего года. Задержка в печатании двух оставшихся частей работы может быть как раз объяснена отъездом автора.

Показательно, что об освобождении от ссылки П.В. Долгоруков вначале узнал из очень доброжелательного частного письма А.Х. Бенкендорфа к нему, а затем уже из официального источника. В скором освобождении от ссылки князю, вероятно, помогло то, что вызванный, подобно Долгорукову, другой знатный публицист (И.Г. Головин) предпочел остаться за границей.

11 марта 1844 г. А.Х. Бенкендорф писал Долгорукову: «Милостивый Государь, Петр Владимирович. По случаю неприбытия по сие время Головина из-за границы, он предан суду и при сем случае Государь Император изволил отозваться, что Его Величество не упускал и не упустит из памяти, с какой готовностью и поспешностью ваше сиятельство исполнили по тому же предмету волю Его Величества. В уважение сих верноподданнических чувств, как равно и в уважение вашего отличного поведения и скромной жизни в Вятке, Государь Император всемилостивейшее дозволяет вашему сиятельству жить в Москве, так и во всех губерниях, исключая Петербурга, и (сверх того) разрешить соизволил вступить вам в службу, ежели на это изъявите желание» [7, с. 158].

В ответном благодарственном письме Бенкендорфу, столь же радушном, князь, впрочем, вступать в службу отказался, ссылаясь на расстроенное здоровье. Мирозрение его во время ссылки изменилось мало. Он полагал, что до высоких чинов сможет дослужиться лишь через много лет при нынешнем порядке производства в чины, тогда как деды его и дяди становились генералами, не достигнув и 30 лет. Кстати и само вроде бы частное письмо Бенкендорфа и ответ Долгорукова сохранились в его личном деле в недрах III Отделения [там же, с. 159].

Официальное письмо (об освобождении князя от ссылки) министра внутренних дел Вятскому губернатору от 14 марта 1844 г. содержало примерно те же пассажи, что и письмо Бенкендорфа, хотя было более сухим и официальным по тону. 28 марта вятский полицмейстер объявил его Долгорукову и взял с него подписку, в коей князь лично написал мелким корявым почерком: «Всемилоостивейшее повеление, коим дозволяется мне жить везде, кроме С. Петербурга, мне было уже известно чрез письмо, коим удостоил меня граф А.Х. Бенкендорф, от 11 марта. Вступить же в службу мне здоровье не позволяет. Коллежский секретарь князь Петр Долгоруков» [6, л. 126].

Память о вятской ссылке засела в его голове надолго. Возможно, единственный широко известный портрет молодого П.В. Долгорукова сделан был именно в Вятке мест-

ным художником-разночинцем Дмитрием Яковлевичем Чарушиным (1813-1900), обучавшемся рисунку и живописи у другого вятского ссыльного Александра Лаврентьевича Витберга в 1837-1840 гг. По стилю очень на то похоже. Но вопрос требует дальнейшего изучения.

В беседах с А.И. Герценом тема Вятки, вероятно, всплывала нередко. Герцен за два с половиной года вятской ссылки (1835-1837) узнал местных жителей достаточно хорошо. Именно князь потешил Герцена невероятным рассказом, о том, как перед отъездом из ссылки он дал званый обед местному чиновничеству, накормив их замечательно вкусным мясным пирогом, о чем Герцен вспомнил в «Былом и думах»: «Долгоруков обещал их накормить каким-то неслыханным пирогом. Пирог был, действительно, превосходен и исчезал с невероятной быстротой. Когда остались одни корки Долгоруков патетически обратился к гостям и сказал: "Не будет же сказано, что я, расставаясь с вами, что-нибудь пожалел. Я велел вчера убить моего Гарди для пирога". Чиновники с ужасом взглянули друг на друга и искали глазами знакомую всем датскую собаку: её не было. Князь догадался и велел слуге принести бранные остатки Гарди, его шкуру, внутренность была в пермских (Герцен ошибся – надо «вятских» – В.Б.) желудках. Полгорода занемогло от ужаса» [4, с. 262]. По Герцену, князь так начудил в Перми перед отъездом своим на новое место ссылки в Верхотурье.

Этот эпизод – чистой воды фейк, придуманный князем на склоне лет, чтоб потешить знакомых. Ни один вятский источник не подтверждает такое событие. Между тем, оно поразило бы современников, как гром среди ясного неба и помнилось бы долгие десятилетия после на фоне скудной на происшествия местной жизни. Почти все в этом рассказе перепутал и Герцен на склоне лет. Он перенес событие в Пермь, где Долгоруков ни разу в жизни не бывал, а также присочинил много вовсе невероятного (например, про отправку П. Долгорукова из Перми в Верхотурье).

Вероятно, в его памяти смешались рассказы про другого вятского ссыльного отставного гвардии капитана князя Михаила Михайловича Долгорукова, сосланного в Вятку в мае 1831 г. за жестокое обращение со своими дворовыми людьми. В августе того же года у него отобрали всех дворовых, а в апреле 1832 г. его перевели в Пермь, откуда сослали в 1841 г. в Екатеринбург. По дороге в Екатеринбург он и умер в Верхотурье [там же, с. 380, 381].

После ссылки П.В. Долгоруков жил в своем тульском имении, занимаясь генеалогическими трудами и изредка выезжая в Москву. В 1846 г. он женился и на свет появился сын Владимир. Брак не был удачным, но к сыну он относился хорошо, хотя взаимности тут, скорее всего, не было. Супруги не ладили друг с другом, а с 1859 г. жили отдельно, сына воспитывала мать. С большим трудом и не с первого раза князю удалось добиться права жить в Петербурге в 1852 г. Его либеральные проекты, кои он, будучи крайне честолюбив, предлагал реформаторам и царю Александру II, не пришлись ко двору. И в 1859 г. он тайно выехал за границу через Одессу, начав оттуда вместе с Герценом «дразнить гусей» новой эпохи с разоблачениями русских порядков в своих злоязычных изданиях. Личное

состояние (кроме поместий) он предусмотрительно перевел за границу.

Уже в мае 1859 г. ему предложили срочно вернуться в Россию под угрозой лишения гражданских прав и ссылки в Сибирь. Князь ответил издевательским отказом. Своему кузену, князю В.А. Долгорукову – шефу III Отделения, он послал фотографию с предложением сослать ее в Вятку или Нерчинск «по вашему выбору, а сам я – уж извините – в лапы вашей полиции не попадусь» [5, с. 28]. Имена его по распоряжению правительства были секвестированы, но вскоре переданы его сыну, на время малолетства коего над ними учреждена была опека. А в 1861 г. постановлением Сената П. Долгоруков был приговорен к лишению княжеского титула, прав состояния и вечному изгнанию.

Его генеалогические труды так же, как и частная история Дома Романовых, представляют и по сей день существенный научный интерес, поскольку в значительной мере основаны на личных архивах русской знати. Его взгляд на события русской жизни далек от официоза и очень широк по диапазону, хотя часто крайне субъективен.

В предисловии к своим запискам П.В. Долгоруков писал: «... записки мои вместе с тем будут интимной хроникой русского Двора и главных семейств и лиц, причастных к истории последних десяти царствований... Я знал очень много стариков, всегда старался вызвать их на разговор о прошлом и тщательно записывал их рассказы <...>. Я жил и в русских столицах и в губернских городах, жил и в деревне; был в ссылке, теперь объявлен изгнанным из России. Мне приходилось говорить с лицами всех общественных положений, с людьми государственными, влиявшими на ход исторических событий, и с простыми крестьянами. Мне удалось собрать о России XVIII века подробности еще неизданные, но полные интереса и значения» [10, с. 8]. И всё это, действительно, так!

Литература

1. Бахрушин, С.В. Республиканец – князь Петр Владимирович Долгоруков / С.В. Бахрушин // Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта 1860–1867. – Москва, 1992. – С. 5-110.
2. Клейн, Л.С. Другая любовь: природа человека и гомосексуальность / Л.С. Клейн. – Москва, 2000. – С. 548.
3. Эйдельман, Н.Я. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII–XIX веков и Вольная печать / Н.Я. Эйдельман. – Москва, 1984. – С. 254–300. Раздел «Долгоруковские бумаги».
4. Герцен, А.И. Былое и думы. Часть вторая. Тюрма и ссылка / А.И. Герцен // Герцен А.И. Полное собрание сочинений и писем / под ред. М.К. Лемке. Т.12. – Пг., 1919. – С. 261, 262.
5. Долгоруков, П.В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта 1860–1867 / П.В. Долгоруков. – Москва, 1992. – С. 28, 99.
6. Центральный государственный архив Кировской области (далее – ЦГАКО). – Ф. 582. – Оп. 128 б. – Д. 45. – 29 л. Дело по предписанию Господина Министра Внутренних дел о высылке в Вятку князя Долгорукова; Л. 1; Л. 2; Л. 11–11 об.; Л. 18, Л. 20; Л. 21; Л. 26.

7. Лемке, М.К. Князь П.В. Долгоруков в России / М.К. Лемке // Былое. – 1907. – № 2. – С. 154, 155, 158, 159.
8. Вятские губернские ведомости. – Часть неофициальная. – 1843. – № 24. – 19 июня. – С. 116.
9. Воспоминания о Петре Великом // Прибавления к Вятским губернским ведомостям. – 1844. – №№ 18, 23, 24.
10. Долгоруков, П.В. Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны: из записок князя П.В. Долгорукова / П.В. Долгоруков. – Москва, 1997. – С. 7, 8.
4. Herzen, A.I. Byloe i dumy. Chast vtoraya. Tyurma i ssylka [Past and thoughts. Part 2. Prison and exile] / A.I. Herzen // Herzen A.I. Complete Works and Letters. – Ed. M.K. Lemke. – Vol.12. – Pg., 1919. – P. 261, 262.
5. Dolgorukov, P.V. Peterburgskie ocherki. Pamflety emigranta 1860–1867 [Petersburg essays. Pamphlets of an emigrant 1860–1867] / P.V.Dolgorukov. – Moscow, 1992. – P. 28, 99.
6. Centralnii gosudarstvennii arhiv Kirovskoi oblasti (TsGA-KO) [Central State Archive of the Kirov Region]. – F. 582. – Op. 128 b. – D. 45. – 29 l. The case under the order of the Minister of the Interior for the deportation of Prince Dolgorukov to Vyatka; L. 1; L. 2; L. 11–11 ob; l. 18, l. 20; l. 21; l. 26.
7. Lemke, M.K. Knyaz' P.V. Dolgorukov [Prince P.V.Dolgorukov in Russia] / M.K. Lemke // Past. – 1907. – No. 2. – P. 154, 155, 158, 159.
8. Vyatskie gubernskie vedomosti. Chast' neoficialnaya [Vyatka Provincial Gazette. Unofficial part]. – 1843. – No. 24. – June 19. – P.116.
9. Vospominaniya o Petre Velikom // Pribavleniya k Vyatskim gubernskim vedomostyam [Memories of Peter the Great // Additions to the Vyatka Provincial Gazette]. – 1844. – Nos. 18, 23, 24.
10. Dolgorukov, P.V. Vremya imperatora Petra II i imperatritsy Anny Ioannovny: iz zapisok knyazya P.V. Dolgorukova [Time of Emperor Peter II and Empress Anna Ioannovna: from the notes of Prince P.V. Dolgorukov] / P.V. Dolgorukov. – Moscow, 1997. – P. 7, 8.

References

1. Bakhrushin, S.V. Respublikanets – knyaz' Petr Vladimirovich Dolgorukov [Republican – Prince Pyotr Vladimirovich Dolgorukov] / S.V. Bakhrushin // Dolgorukov P.V. Peterburgskie ocherki. Pamflety emigranta 1860–1867 [Petersburg essays. Pamphlets of an emigrant 1860–1867]. – Moscow, 1992. – P. 5–110.
2. Klein, L.S. Drugaya lyubov': priroda cheloveka i gomoseksualnost' [Another Love: Human Nature and Homosexuality] / L.S.Klein. – Moscow, 2000. – P.548
3. Eidelman, N.Ya. Herzen protiv samodержaviya. Sekret'naya politicheskaya istoriya Rossii XVIII-XIX vekov i Vol'naya pechat' [Herzen against autocracy. The Secret Political History of Russia in the XVIII-XIX centuries and the Free Press] / N.Ya. Eidelman. – Moscow, 1984. – P. 254–300. Section "Dolgorukov papers".

Благодарность (госзадание)

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики в регионах Европейского Севера России» (№ государственного учета 122040800166-0).

Информация об авторе:

Бердинских Виктор Аркадьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: bva.prof@mail.ru).

Author:

Viktor A. Berdinskikh – Dr. Sci. (History), chief researcher at the Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation. e-mail: bva.prof@mail.ru).

Для цитирования:

Бердинских, В.А. Князь Петр Долгоруков в вятской ссылке (1843–1844 года) / В.А. Бердинских // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 5 (63). – С. 76–81.

For citation:

Berdinskikh, V.A. Prince Pyotr Dolgorukov in Vyatka exile (1843–1844) / V.A. Berdinskikh // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 5 (63). – P. 76–81.

Дата поступления статьи: 05.06.2023

Прошла рецензирование: 09.06.2023

Принято решение о публикации: 16.06.2023

Received: 05.06.2023

Reviewed: 09.06.2023

Accepted: 16.06.2023